

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-127-143

УДК 069.5:39(=512.111)
ББК 79.18+63.5(2Рос.Чув.)

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

О ЧУВАШСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ ПРОФЕССОРА И.Н. СМИРНОВА В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Ключевые слова: Иван Николаевич Смирнов, историк, этнограф, археолог, коллекционер этнографических предметов народов Поволжья и Приуралья, чувашские коллекции, Российский этнографический музей.

Выдающийся вклад И.Н. Смирнова в собирание предметов культуры, быта и верований чувашского народа не только не подвергался глубокому анализу, но и не освещался профессиональными исследователями. Между тем в истории собирания чувашских этнографических коллекций в дореволюционный период не было фигуры, равной Ивану Николаевичу. Он стоял у истоков формирования фондов этнографического отдела Русского музея императора Александра III, в год его открытия передал в дар музею богатую «чувашскую коллекцию» – 92 предмета, в основном старинные вышивки.

Цель исследования – проследить этапы подвижнического труда И.Н. Смирнова на ниве коллекционирования этнографических предметов, в том числе фотоиллюстраций из быта чувашей.

Материалы и методы. Основой исследования явились вновь выявленные документы, хранящиеся в архиве Российского этнографического музея и Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также опубликованные материалы. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: фактологический, описательный, аналогический, проблемно-хронологический.

Результаты исследования. Среди многочисленных работ о научно-исследовательской и собирательной деятельности профессора И.Н. Смирнова впервые появляется специальная статья о его вкладе в сбор чувашских коллекций. В ней дана краткая информация о сотрудничестве этнографа-коллекционера с музеем отечествоведения Казанского университета. Однако в основном рассказывается о его плодотворных связях с Российским этнографическим музеем. Нами выявлено, что в течение 1902–1904 гг. Иван Николаевич представил в Санкт-Петербургское хранилище старинных этнографических предметов 9 чувашских коллекций – всего около 1110 произведений орнаментального искусства и предметов быта, собиратель называет их «старинной народной, оригинальной, красивой», которая «тает с каждым годом», так как он «ездил к чувашам и черемисам 12 лет тому назад, ездил в прошлом году... и перемену нашел огромную: вещей, которые раньше можно было встретить чуть ли не в каждом доме, не удавалось добыть в целой деревне». Нами проанализировано содержание каталога представленных в музей коллекций, благо, по инициативе Н.В. Никольского – ученика и продолжателя дела Ивана Николаевича – этот поистине оригинальный документ оказался в его Рукописном фонде, ныне хранится в отделе I Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Выводы. В опубликованных до сегодняшнего дня биографических материалах о профессоре И.Н. Смирнове лишь вскользь упоминается его деятельность по сбору чувашских этнографических предметов для музеев. В данной статье была предпринята попытка всестороннего освещения стези исследователя-собиравателя. На взгляд автора, каталог коллекций, в оригинале хранящийся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также отчеты и переписку профессора об этнографических экспедициях в губерниях с компактным проживанием чувашей следует издать отдельной книгой.

Введение. О профессоре Казанского университета, выдающемся финно-угроведе Иване Николаевиче Смирнове немало материалов, нас же больше интересует одно из направлений его научно-исследовательской деятельности – собирание этнографических предметов. Поэтому из его биографии выделим лишь наиболее значимые факты. Родился 7(19) января 1856 г. в с. Арино Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне – Моркинский район Республики

Марий Эл) в семье священника. Детство его прошло среди коренного населения Поволжья. Начальное образование получил в Казанском духовном училище, а среднее – в Казанской духовной семинарии. После окончания в 1878 г. Казанского университета был профессорским стипендиатом для приготовления к кафедре всеобщей истории. Его магистерская (1881) и докторская (1885) диссертации были посвящены истории Далмации. С 1 октября 1884 г. – экстраординарный, а с 25 ноября 1886 г. – ординарный профессор.

Цель исследования – анализ подвижнического труда И.Н. Смирнова по сбору и систематизации чувашских этнографических предметов – вышивок, цельной одежды и частей ее, главным образом относящихся к одеянию чувашской невесты, хозяйственной утвари, а также уникальной в своем роде коллекции фотографий, запечатлевших чувашей и их дома, хозяйственные постройки, «священные места», род занятий и пр. Материалами исследования послужили вновь выявленные документы, хранящиеся в разных архивах.

Материалы и методы. В основе исследования – вновь выявленные документы, хранящиеся в Российском этнографическом музее (далее – РЭМ) и Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН), а также опубликованные материалы. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: фактологический, описательный, аналитический. Фактологический метод применялся для обобщения результатов анализа архивных материалов, освещающих деятельность И.Н. Смирнова в собирании этнографических экспонатов для музеев, прежде всего – для РЭМ, с приведением этнокультурной информации; описательный метод – для первичного анализа выявленных источников и их характеристики, а также в комментариях к музейным коллекциям; аналитический метод – для конкретизации чередования этапов в собирательном деле этнографа.

Результаты исследования. И.Н. Смирнов известен чувашскому научному миру главным образом благодаря его исследованиям в области истории и этнографии поволжских и приуральских финно-угров, в которых рассматривались вопросы взаимодействия культур этих народов и чувашей – потомков камско-волжских болгар. Профессор В.Д. Димитриев в 2000 г. опубликовал статью «Иван Смирнов о волжских болгаро-чувашах», где подробно проанализировал культурные связи марийцев и чувашей [4]. Затем В.Д. Димитриев на сайте «Сувары» разместил статью И.Н. Смирнова «Волжские болгары», которая была напечатана в год его смерти (1904) в I томе «Книги для чтения по русской истории» под редакцией М.В. Довнар-Запольского. Статья была повторно помещена в I томе сборника «Русская история в очерках и статьях» под редакцией того же М.В. Довнар-Запольского [3].

В главе «Одежда» этой статьи И.Н. Смирнов отмечает: «Древнеболгарский костюм можно восстановить только гипотетически на основании тех заимствованных тюркских элементов, которые сохранились в современном костюме финских народностей Волжско-Камского края и чуваш. <...> В формах и орнаментах женского костюма черемис, мордвы, вотяков, крещеных татар и бесермян мы встречаем ряд элементов, тождественных с чувашскими и идущих, по-видимому, из древнеболгарской поры. Начиная наш обзор с головных уборов, мы имеем: 1) украшенный серебряными монетами женский головной убор в виде более или менее широкой повязки с ремнем, спускающимся на спину (у черемис, бесермян и чуваш – хошпу, кашпу, ошпю); 2) девичий

конический головной убор, ушитый серебряными монетами (у бесермян, вотяков, чуваш – такая, тохья); 3) платок с вышитым начельшем, употребляющийся у замужних женщин (чалма – вотяки, чуваш); 4) полотенце с расшитыми краями, которым повязывается голова замужней женщины (черемисы, вотяки, крещенные татары, чуваш); 5) плечевая перевязь, украшенная монетами, обшитая по краям раковинами каури (черемисы, крещенные татары, чуваш); 6) поясные, расшитые шелками или бисером, подвески (мордва, горные черемисы, чуваш). Все эти принадлежности женского костюма, а с ними вместе рубашки и летние холщовые кафтаны, покрыты у финнов Волжско-Камского края, как и у чуваш, вышивками, которые и материалом, и мотивами свидетельствуют о болгарском влиянии» [5].

Столь пространная цитата необходима нам для понимания сути научных изысканий И.Н. Смирнова в последний период его жизни и деятельности. А этот период, на наш взгляд, знаменателен тем, что исследователь его посвятил сбору этнографических материалов для разных музеев, главным образом, для РЭМ (до 1902 г. – этнографический отдел Русского музея Императора Александра III). И он не только собирал, но и изучал особенности чувашской одежды, в частности, вышивки. У него нет отдельных работ, посвященных искусству чувашской народной вышивки, но он каждый предмет в своих коллекциях сопровождал подробным описанием. Поскольку собирал этнографические предметы и у других народов Поволжья и Приуралья, Иван Николаевич, сопоставляя их, в частности, пришел к однозначному выводу о том, что чувашская вышивка отличается своеобразием. В статье «Чуваши» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона – квинтэссенция его обобщений: «О богатстве их (чувашей. – А.Л.) фантазии может дать понятие тот факт, что автор настоящего очерка составил в низово-чувашском краю для музея Императора Александра III коллекцию почти из 500 грудных вышивок – и в этой коллекции нет дублетов, хотя количество основных орнаментальных мотивов невелико». Сравнивая вышивки низовых и верховых чувашей, И.Н. Смирнов отмечает, что у низовых чувашек больше этих «основных мотивов», чем у верховых: у них в большом употреблении растительный орнамент, встречается, хотя сравнительно редко, и животный – симметрично поставленные одна против другой фигуры животных и птиц, с деревом посредине; у верховых преобладают стилизованная розетка и богато разработанный крест. «Толчок к проявлению художественных сил чувашским женщинам, как и мужчинам, дан извне, – утверждает автор, – но не с северо-запада, а с юго-востока, из Азии. Уже В.В. Стасов в своем исследовании об орнаменте указал на зависимость русского орнамента от восточного и на ту посредническую роль, которую играли в распространении последнего урало-алтайские насельники Поволжья. Коллекции музея императора Александра III, собранные в Средней Азии художником [С.М.] Дудиным, в Поволжье – автором настоящего очерка и в средней России – Н.М. Могилянским, подтверждая основное положение В.В. Стасова, дают возможность установить, что главная роль в передаче азиатских, иранских мотивов на запад принадлежала чувашам, преимущественно низовым: у них эти мотивы встречаются в наибольшем разнообразии; распространяясь далее на запад и на север, они убывают; ни у мордвы, ни у черемис растительный и животный орнаменты не имеют, например, такого широкого употребления, как у чувашей» [15. С. 936].

Анализ статей в региональных энциклопедиях Поволжья и Приуралья показал, что в них излагаются общеизвестные факты из биографии И.Н. Смирнова,

как и должно быть в справочной литературе, однако нет ни слова о собирании им экспонатов для музеев [1. С. 478; 2. С. 642; 9. С. 48; 16. С. 339]. Пожалуй, на сегодняшний день единственный материал, полностью посвященный этой стезе Ивана Николаевича, – статья Н.М.-Н. Гибадуллиной и Р.М. Гибадуллина под красноречивым названием «И.Н. Смирнов как собиратель», где исследуются этапы, направления и масштабы собирательской, коллекционерской и музееведческой деятельности историка и этнографа. Авторы констатируют, что вклад И.Н. Смирнова в музейное дело известен «сегодня пока только узкому кругу специалистов-музееведов и финно-угроведов» [3. С. 15]. Мы бы еще добавили: «... и чувашеведов», так как в статье имеются ссылки на труды чувашского искусствоведа А.А. Трофимова, в частности на его книгу о коллекциях чувашских вышивок [17], большая часть которых, как мы уже отмечали, И.Н. Смирновым представлена в РЭМ. (К этой книге мы обратимся ниже. – А.Л.)

К сбору этнографических коллекций Иван Николаевич приступил практически одновременно с началом процесса работы над фундаментальными историко-этнографическими исследованиями «Черемисы» (1889), «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891), «Мордва» (1895). На заседании Совета Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете 16 мая 1889 г. «профессор И.Н. Смирнов обратился с ходатайством выдать ему 100 руб. для приобретения на них этнографических коллекций, что он предполагает исполнить летом текущего года совместно с приобретением этнографических коллекций для Музея отечествоведения по поручению историко-филологического факультета [Казанского университета]. Постановлено: удовлетворить ходатайство И.Н. Смирнова» [14. С. 16].

На общем собрании ОАИЭ 15 сентября 1889 г. И.Н. Смирнов прочитал предварительный отчет об этнографической экскурсии, совершенной им летом 1889 г. В зале были выставлены коллекции одежд, головных уборов, вышивок, посуды, фотографий и т.п. [14. С. 24]. А в отчете ОАИЭ за 1889–1890 гг. приводится «Список черемисских и чувашских вещей, приобретенных [действительным] ч[леном] [ОАИЭ] И.Н. Смирновым летом 1889 г.». Всего 148 предметов, приобретены они в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах. 18 из них идентифицируются как чувашские (5 разных деревянных черпаков, 4 деревянных ковш, 1 пороховница, 1 прялка и пр.), 26 – как черемисские (1 женская шитая шерстью рубашка и 1 такой же шарпан, 20 нашмаков, шитых шерстью, 1 черпак и пр.), а у остальных же, т.е. большинства предметов, «национальность» не указана, среди них: 1 суконный женский свадебный кафтан, 1 бумажный свадебный кафтан, 1 головной убор из жетонов (хошпу), 1 холщовая шитая шелком фата, 33 шитые шелками поясные подвески (саря), 2 плечевые женские перевязи (тевет), 1 девичий головной убор (тохья), 1 девичье ожерелье, 1 мужской шобырь, сорбаны, шапки, передники и т.д. [14. С. 63]. Саря, хошпу (у марийцев ошпу), тевет, тохья (у марийцев *такья*), шобырь явно чувашского происхождения.

Поскольку Русский музей создан в 1897 г., часть собранных предметов И.Н. Смирнов мог передать и для его экспозиций. Тем более, как раз в это время музею из казны были выделены огромные средства для приобретения коллекций. К сбору их, наряду с другими специалистами, был привлечен и Иван Николаевич. Он, как признанный специалист в области этнографии народов Поволжья, был приглашен для выработки программы музея [3. С. 17]. В 1901 г. на заседании Академии наук И.Н. Смирнов выступил с докладом о принципах

устройства этнографического отдела музея. Он считал, что данный отдел должен быть организован по последнему слову этнографической науки, и предлагал создать два отделения музея: отделение описательной, специальной этнографии, в котором должны быть расположены коллекции, характеризующие отдельные племена России; отделение общего народоведения, общей этнографии, коллекции которого должны показывать эволюцию культуры вообще, ее этапы и развитие в России и в мире [12. С. 229–235].

С этой поры и начинается сотрудничество И.Н. Смирнова с РЭМ. А первые предметы, собранные им и «привнесенные в дар», – свадебные платки и покрывала – поступили в музей в 1902 г., в год основания этнографического отдела. Н.Ю. Кашпар называет 100 предметов [18. С. 12], фактически их – 92. В письме заведующему этнографическим отделом Д.А. Клеменцу сам собиратель так оценивает свою коллекцию: «...очень рад, что мои вещи Вам понравились. Они в самом деле на любителя дорогие – и вот причина, почему я страшно рад возникновению Музея Александра III. Он нарождается как раз вовремя: старина – народная, оригинальная, красивая – тает с каждым годом. Я ездил к чувашам и черемисам 12 лет тому назад, ездил в прошлом году... и перемену нашел огромную: вещей, которые раньше можно было встретить чуть ли не в каждом доме, не удавалось добыть в целой деревне. Пройдет еще 10 лет, и многого вроде того, что я Вам послал, может быть, нельзя уже будет достать или придется затрачивать очень много [времени] на расспросы и поиски» [18. С. 12].

«Получив богатую коллекцию от И.Н. Смирнова, – пишет чувашский искусствовед, специалист по вышивкам А.А. Трофимов, – этнографический отдел поручает ему специально заниматься собиранием предметов быта, одежды, украшений чувашей. В течение одного лишь 1902 г. И.Н. Смирновым было представлено около 800 предметов, экспонированных в шести коллекциях. Из них более 700 предметов являлись произведениями вышивки. Они были собраны в чувашских селениях Цивильского, Спасского, Чебоксарского, Тетюшского, Козьмодемьянского, Чистопольского у. Казанской губ., Бугульминского у. Самарской и Белебеевского у. Уфимской губ. Из числа этих вышивок около 10 свадебных платков с богатейшими узорами были приобретены в селении Слакбаш, на родине классика чувашской поэзии К.В. Иванова» [17. С. 25] (речь идет о коллекции № 176. – А.Л.).

Здесь А.А. Трофимовым упущена Симбирская губерния, между тем в относящемся к ней Курмышском уезде, сопредельном с Ядринским уездом Казанской губернии, И.Н. Смирнов собрал 316 чувашских предметов. Правда, все 228 вещей, входящих в коллекцию № 279, и 44 предмета в коллекции № 401 считаются собранными одновременно и в Ядринском, и Курмышском уездах. Вот одно из описаний: «220 (номер предмета в указанной коллекции. – А.Л.). Женское ожерелье, убранный по холщовой ленточке (дл[ина] 37 с[а]нт[иметров]) нитями разноцветного бисера (у[езд] Ядрин[ский] Казан[ской] г[убернии] и Курмыш[ский] у[езд] Симб[ирской] г[убернии])» [10. С. 389]. И после описания каждого предмета такая запись. Но так не должно быть. Возможно, ошибся некий А. Макаренко, регистрировавший привезенные (или отправленные по почте) И.Н. Смирновым предметы с 22 августа по 29 сентября 1903 г. (коллекция № 279) и 9–11 февраля 1904 г. (коллекция № 401). Скорее всего, при регистрации Иван Николаевич не присутствовал, так как в 1903 г. он заболел неизлечимой болезнью – саркомой. 24 января 1904 г. на имя ректора Казанского

университета он написал прошение: «Ввиду постигшей меня тяжкой и неизлечимой болезни имею честь покорнейше просить... об увольнении меня в отставку по болезни» [19], а через 4 месяца, 15 мая 1904 г., скончался на 49-м году жизни.

Переписка и отчет профессора И.Н. Смирнова о собирании материалов по этнографии чувашей, черемисов, мордвы в Казанской, Уфимской, Самарской и Симбирской губерниях, описи материалов (всего 93 л.) хранятся в РЭМ (Ф. 1. Оп. 2. Д. 600). Возможно, они помогут разделить предметы в указанных коллекциях на Ядринский и Курмышский уезды.

Откуда нам известно описание коллекций И.Н. Смирнова? 30 мая 1910 г. преподаватель Казанской учительской семинарии Н.В. Никольский, один из учеников и соратников И.Н. Смирнова по ОАИЭ¹, уведомляет Русский музей Императора Александра III о том, что 300 руб., высланные ему для собирания этнографических коллекций, им получены. Николай Васильевич далее пишет: «При сем имею честь покорнейше просить о высылке мне каталога коллекций по этнографии чуваш, чтобы мне не делать приобретений таких, которые уже сделаны, например, покойным профессором Казанского Императорского университета И.Н. Смирновым и своевременно представлены им». Уже 3 июня 1910 г. по распоряжению заведующего этнографическим отделом русского музея Н.М. Могилянского в Казанскую учительскую семинарию поступают «№№ стихов (т.е. коллекций. – А.Л.) 88, 92, 94, 100, 116, 176–180, 203, 279, 363, 401, 674, 797, 913, 967, 968, 991» [7. С. 2–3]. Н.В. Никольский этот каталог включил в 117-й том своего Рукописного фонда, а в отделе I НА ЧГИГН, где хранится этот фонд, указанный том обозначен как единица хранения 256 и содержание коллекций занимает сс. 189–481; текст машинописный; названия предметов с кратким их описанием, указанием населенного пункта, где они приобретались, а также частью – с указанием времени изготовления. Это – не копия каталога, а оригинал, отпечатанный на мелованной бумаге золотистого цвета, и, по всей вероятности, экземпляр ограниченного тиража, чем он и ценен. Не все коллекции собраны И.Н. Смирновым, однако ему принадлежат самые многочисленные – №№ 88 (92 предмета), 176 (66 пр.), 177 (405 пр.), 178 (69 пр.), 179 (104 пр.), 180 (200 пр.), 203 (55 фотоснимков), 279 (228 пр.), 401 (44 пр.).

Прежде чем перейти к анализу «стихов», вновь обратимся к книге А.А. Трофимова. Он высоко оценивает вклад И.Н. Смирнова в сбор и передачу РЭМ чувашских этнографических коллекций: «Всего в собрании И.Н. Смирнова насчитывается около 1110 произведений орнаментального искусства и предметов быта. Сбор такого громадного количества предметов в период усилившегося упадка народного искусства является поистине подвигом во имя науки, и его мог совершить только тот, кто был сам глубоко предан этому делу и кто мог по достоинству оценить народное творение» [17. С. 26]. В книге дано краткое описание вышивок в коллекциях, представленных И.Н. Смирновым в РЭМ. К сожалению, только вышивок, не в упрек будет сказано в адрес Алексея Александровича, понятно же: целью его и было ознакомление с этими уникальными предметами.

¹ Будучи студентом Казанской духовной академии, Николай Васильевич в 1899–1903 гг. прослушал курс историко-филологического факультета Казанского университета, в том числе лекции И.Н. Смирнова. А в 1919 г. по его инициативе Совет Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете постановил переиздать 4 книги выдающегося финно-угроведа о черемисах, вотяках, пермяках и мордве; данный проект не был осуществлен, очевидно, прежде всего, из-за нехватки финансовых средств.

В конце 2018 г., побывав в архиве РЭМ, нам с ведущим сотрудником ЧГИГН Э.Е. Лебедевым довелось скопировать дело № 599 (ф. 1, оп. 2) – «Отчет И. Смирнова об этнографической экскурсии в Казанскую, Уфимскую и Самарскую губернии летом 1902 г.». Отчет подписан 27 декабря 1902 г. Иван Николаевич называет цель экскурсии (экспедиции. – А.Л.) – «собрать для музея материал, характеризующий внешний быт населяющих эти губернии народностей... Коллекции, которые можно было собрать при быстрых переездах по разным направлениям обширной территории, должны были только показать: 1) какого рода характерные для отдельных народностей предметы еще можно в настоящий момент здесь найти, 2) какую научную ценность может представить этот материал, что вносит он нового в изучение прошлых и настоящих судеб страны?» [11. С. 61].

Без сомнения можно утверждать, что именно после этой экспедиции были сформированы коллекции этнографических предметов под №№ 176–180, об этом свидетельствуют и сведения в аннотациях: «Собрана профессором Казанского университета И.Н. Смирновым по поручению этнографического отдела летом 1902 г. (покупка)». Одновременно с коллекциями вещей Иван Николаевич представил в музей и фотографии, сделанные в чувашских селениях (коллекция № 203). А коллекция № 279 собрана летом 1903 г., вероятнее всего, коллекция № 410 также сформирована тогда же (дата не указана, территория сбора материалов – Ядринский и Курмышский уезды), так как осенью 1903 г. Иван Николаевич уже тяжело болел. Поэтому А.А. Трофимов не прав, когда пишет о коллекционировании И.Н. Смирновым в 1904 г. предметов быта среди населения Ядринского уезда Казанской и Курмышского уезда Симбирской губерний [17. С. 26].

Вернемся к отчету И.Н. Смирнова от 1902 г. На наш взгляд, он достоин посвящения ему отдельной статьи, поэтому здесь ограничимся лишь некоторыми его фрагментами, относящимися к чувашам. Помимо сведений о жилищах чувашей, башкир, черемисов, исследователь подробно описывает и сопоставляет некоторые предметы быта и одежды их. «Черпаки представляют двойной интерес: во-первых, они говорят о новой поре в истории изготовления утвари из дерева, поре, когда человек в своем творчестве уже освободился от влияния форм, данных природой, и стал сам творить формы, руководимый художественным чувством, во-вторых – и это главное – они говорят, что в этот высший фазис творчества инородец Поволжья вступил под влиянием какой-то другой более развитой народности – всего вероятнее, северо-германской: однородные по орнаменту и формам ковш распространен в Скандинавии, в частности, в Норвегии. ...Подобно жилищу, утварь – одинаковая у черемис и чуваш – может служить показателем того, что чуваша где-то вне Поволжья пережили период германского влияния» [11. С. 69–70].

И.Н. Смирнов считает, что мишари, будучи татарами по языку и начиная усваивать и татарский костюм, сохранили еще – в лице старого поколения – чувашский костюм [11. С. 72]. Отатаренные буртасы были чувашами, полагает исследователь, так как предметы быта буртасов не отличаются от предметов, характерных для западной части низовых чувашей (чебоксарских), и, напротив, отличаются (по орнаменту рубашки главным образом) от юго-западной части низовых чувашей, среди которых не встречаются мишари. Иван Николаевич предполагает сделать одной из задач своей зимней экскурсии и выяснение границ двух типов низово-чувашского костюма в связи с запросом о мишарях

и буртасах (Экспедиция не была осуществлена из-за болезни. – А.Л.). Следующие выводы этнографа: «Чувашское влияние на черемис в разнообразных сферах жизни – вещь давно известная. Костюм дает только новые указания на это влияние» [11. С. 73–74]; «*сорбан* принадлежит к основным принадлежностям чувашского костюма, и у черемис является только у одной группы, соседящей с чувашами, отделенной огромными лесами от вятских родичей, является не один, а в сопровождении ряда других принадлежностей костюма: с ним является здесь униженная серебром свадебная диадема женщин – *ошпу* у черемис, *хошпу* у чуваш, соединяющая, как показывает название, чуваш с бесермянами и башкирами (*кашпу* у бесермян и, кажется, у башкир) (у башкир кашмау. – А.Л.), с ним выделяется известный нам уже *тевет*... В приходе с. Кожла-Сола я приобрел у черемис *пюркенчик* и ручное полотенце (*солык*), заинтересовавшее меня со своим тождеством с однородными чувашскими предметами. Расспросивши о родине женщины, которой принадлежали эти вещи, я узнал, что она взята из прихода с. Исменцы на левом берегу Волги, что там сильно распространены чувашские “моды” и чувашский язык: все почти черемисы и черемиски говорят по-чувашски, между тем как этого нельзя сказать о чувашах, из которых только немногие говорят по-черемисски» [11. С. 75–76].

В форме и орнаменте чувашского костюма Иван Николаевич находит влияние юго-восточных народов. «Из числа фотографий, представляющих чуваш, я беру для иллюстрации снимки с молодой женщины (фас и тыл) с повязкой-чалмой на голове и с спускающимися на спину концами *сурбана*. Фигура этой женщины – в типичном низово-чувашском костюме – производит впечатление чего-то экзотического: это скорее, особенно с тыла, фигура какого-то восточного жреца, чем современной инородки. И восточный – ближайшим образом – арабский элемент здесь, несомненно, есть. *Чалма*, обвивающая голову женщины, проникла к предкам чуваш вместе с *теветем* от исповедников ислама...» [11. С. 77–78].

Небезынтересны в отчете размышления И.Н. Смирнова о вопросах, «относящихся к колонизации Самаро-Уфимского края», здесь он также видит «чувашский след»: «В Бугульминском уезде Самарской губернии и Белебейском уезде Уфимской губернии я встречал костюм, главным образом рубашки, орнаментированные совершенно одинаково с низово-чувашскими, преимущественно цивильскими. Проверая свои догадки путем расспросов, я пришел к выводу, что в Самаро-Уфимский край чувашаи проникли из Цивильского и смежных уездов. Путь, по которому направлялось движение, намечается распространением так называемой “яблочной рубашки” – *олмала киби*: широко распространенная в Бугульминском уезде, она встречается в Чистопольском и Спасском уездах Казанской губернии, и территории, нанятые чувашами здесь, следует рассматривать как этапы на пути чуваш из-за Волги в самаро-уфимские степи» [11. С. 78–79].

Собранный этнографический материал И.Н. Смирнов называет «вышедшим из моды», «осужденным на исчезновение и истребление». «Перед нами последние моменты отживаемой эпохи, – с нескрываемой грустью размышляет исследователь. – Самый яркий элемент этой жизни – творчество художественно-промышленное – замирает: орнаментированная утварь осуждена на гибель в силу своей связи с былым языческим культом (сильнее у горных черемис, слабее у чуваш), богатые шелковые вышивки на одежде, на предметах домашней обстановки (на покрывалах брачных изголовий) исчезли или исчезают

под напором фабричных продуктов, которым открывают дорогу, помимо “моды”, обеднение массы и созданный им спрос на женский труд вне дома и домашней обстановки, но местами это истребление принимает поражающие, фантастические формы: мордвин Самарской губернии режет, например, на подбрюшники для лошади роскошно вышитую дольными полосками старинную женскую рубашку. В Уфимской губернии продукты оригинального инородческого творчества гонит торжествующая татарщина: башкиры, черемисы, вотяки приобретают здесь фабрично-одноразовый татарский внешний вид: рубашки, верхнее платье, головные уборы, украшение – все это татарское...» [11. С. 82].

Главная мысль в выводах И.Н. Смирнова: музею прежде всего, прежде собирания продуктов своеобразного «*stile moderne*», приходится спасать остатки того, что становится прошедшим, остатки, из которых развернулись творческие силы народностей, раскрылись условия, определявшие их расцвет [11. С. 82–83].

Тем и ценны коллекции И.Н. Смирнова в РЭМ. Как мы выше говорили, А.А. Трофимов в своей книге рассказал о вышивках, представленных неутомимым собирателем. Перечень других предметов чувашской культуры и быта, верований до сего дня находится «нетронутым» в каталоге РЭМ. Благодаря Н.В. Никольскому мы, наконец, можем поведать о них, не совершив поездку в Санкт-Петербург, т.е. мы тактильное ознакомление с музейными экспонатами оставляем на будущее. Хотя часть из них нам удалось лицезреть в 2023 г. в Чебоксарах. Здесь с 24 ноября по 17 декабря в Чувашском национальном музее (далее – ЧНМ) работала выставка «Сохраненная красота: раритеты чувашской культуры из собрания Российского этнографического музея». Из материала, размещенного на сайте ЧНМ: «В России две крупные коллекции чувашских древностей – в Российском этнографическом музее (РЭМ) и ЧНМ. Причем собрание РЭМ охватывает около шести тысяч предметов, характеризующих культуру чувашей всех этнографических и этнотерриториальных групп, в том числе три тысячи с вышивкой. Так, первые свадебные платки поступили в Этнографический отдел Русского музея Александра III (ныне Российский этнографический музей) в год его основания (1902) от профессора Казанского университета Ивана Николаевича Смирнова. Как подчеркнула заместитель директора РЭМ по учету, хранению и реставрации музейных ценностей Наталья Прокопьева, “музей с XIX в. собирал предметы чувашской культуры и сейчас с гордостью представляет то, что сумел сохранить, несмотря на все потрясения XX века, – самые ценные предметы, которые чрезвычайно редко покидают музей и еще не были в Чувашии”» [13].

В альбоме-каталоге «Чувашская вышивка...», составленном Н.Ю. Кашпар, размещены и фоторепродукции части предметов, собранных И.Н. Смирновым: из коллекции № 88 – свадебное покрывало *пӳркенчӧк* (46), свадебные платки (49, 50, 53 – обе стороны), свадебные поясные подвески (51, 55), женская поясная подвеска *сарӑ* (58), орнамент свадебного платка *ал тытти* (розетка) (57), орнамент свадебного платка *ал тытти* (кайма) (35), из коллекции № 176 – свадебные платки *ал тытти* и его фрагменты (47, 49–52, 54, 56–60, 62–64, 66–69, 71–73, 76, 87–92, 94–97), орнамент свадебного платка *ал тытти* (розетка) (51, 95), орнаменты свадебного платка *ал тытти* (кайма) (46, 65), из коллекции № 179 – покрывала невесты *пӳркенчӧк* (86, 88, 89, 91, 92, 94–96, 98), орнамент покрывала невесты *пӳркенчӧк* (кайма) (87), из коллекции

№ 279 – свадебные платки *тăваткал* (26–33, 36, 38, 40, 41, 43, 49–51, 112), покрывало невесты *пуркенчĕк* (211), орнаменты свадебного платка *тăваткал* (кайма) (39, 113). Любопытно замечание Н.Ю. Кашпар о том, что когда-то свадебный платок и покрывало невесты готовила каждая девушка, но в последней трети XIX – начале XX в., когда эти предметы уже не вышивали, в свадебном обряде использовали сохранившиеся изделия раннего периода. Они стали редкостью. В районах расселения низовых чувашей в первой четверти XX в. на 30–40 девушек приходился только один свадебный платок, покрывал было еще меньше – одно на 40–50 невест [18. С. 11].

Перейдем к каталогу коллекций И.Н. Смирнова в РЭМ.

Коллекция 88 (92 предмета). Кроме 4 мишарских вышивок (собраны в Цивильском у.), все остальные чувашские, собранные в группе селений Буртас Чебоксарского у. Казанской губ. [10. С. 189] (ныне Вурнарский муниципальный округ Чувашии). Основные предметы – женские рубашки, грудная женская вышивка (А.А. Трофимов их называет «заготовками женской нагрудной вышивки»), начельники (наспаки [маспаки]), две фаты (пюргенчик – свадебные покрывала), платки и косынки, составляющие принадлежность чувашских свадебных костюмов, натыльник (сарă) – поясные украшения, ручное свадебное полотенце чувашек, вышитая часть чехла с брачной подушки чувашек.

Коллекция 176 (99 предметов). Собрана в населенных пунктах Спасского у., в д. Ардашево и с. Акулево Чебоксарского у. Казанской губ., с. Чуратчиково (ныне Чурачики) и д. Кошноруй Цивильского у., в с. Слакбаш Белебеевского у. Уфимской губ. и среди чувашей Бугульминского у. Самарской губ. Коллекция состоит из женских рубашек, образцов с нагрудными медальонами *кĕскĕ*, свадебных платков, сурбанов.

Одно из описаний женской рубашки, приобретенной в Спасском у.: «Холщовая (дл. 120 снт), украшенная вдоль передка, рукавов и по подолу холщовыми красно-бурого цвета полосками, а на спинке – шерстяными красно-бурого цвета; вышивка грудная исполнена шелками – вишневого цвета, зеленым, черным (орнамент геометрический), обшлажная вышивка растительного характера, рукавная содержит двойной ряд фантастических птиц, изображенных цветными шелками (вишн., зел., оранж., черн.) в прямолинейном направлении верхней части рукавов, вышивка подола сделана красными нитками, зеленой и синей шерстью (орнам. геометрич.); ворот и ластовцы пестрядинные» [10. С. 209]. Описание сорбана (д. Кошноруй): «Головная повязка чувашки в виде полотенца (3 аршина); на одном конце – каемочное шитье из коричневой шерсти, помещенное между красных полосок; на другом узор выполнен шелком и шерстью (орнам. геометрич. с растит. элем.), ниже – выбрана узкая меретка и пришита синяя бахрома» [10. С. 211].

Две женские рубашки и 43 холщовых вышитых шелком и шерстью платка («которыми покрываются плечи жениха-чуваши во время свадьбы» – запись И.Н. Смирнова [10. С. 213]) приобретены в с. Слакбаш Уфимской губ.

Коллекция 177 (431 предмет). Собрана в селениях Цивильского, Чебоксарского, Спасского, Чистопольского у. Казанской, Бугульминского у. Самарской губ. Все предметы вышивки представлены в виде небольших кусков холста – «сыпмалла» – и являются заготовками нагрудных украшений женских рубашек. А.А. Трофимов: «Около 20 из них являются узорами *сунтăх*, остальные – *кĕскĕ*. Все *сунтăх* выполнены вышивкой богатой расцветки и на всех ромбовидных фигурах помещены элементы узоров, имеющих форму растений.

Преобладающими цветами являются красный, зеленый, синий. В данной коллекции содержатся самые богатые узоры *кёскё*. Орнамент – геометрический, растительный и животный» [17. С. 31]. Описание одного из *сыпмалля*: «Грудная вышивка чувашской рубашки, выполненная шелком (пунц.) и цветными шерстями (синей, зеленой и черной) по бельевому холсту. На орнаменте – две восьмиугольные фигуры, в центре которых помещены кресты, расцвеченные однолистниками, которыми усажены и внешние стороны фигур» [10. С. 225].

Коллекция 178 (88 предметов). Собрана в д. Кошноруй Цивильского у., с. Акулеве Чебоксарского у. и селениях (не названы) Козьмодемьянского у. Казанской губ. Предметы – вышивки по холсту («сыпмалля»), женские поясные украшения *сарă* и *яркăч*. Описание одного из поясов чувашской женщины (д. Кошноруй): «Из синей шерстяной узорной ткани (домаш.) длиной в 220,8 и шириной 10,4 снт., с концами, вышитыми разноцветным шелком и серыми нитками (орнам. геометрич. и растительный), и украшенный бахромой из крупного цветного бисера; повыше узорного шитья, с обоих концов, пришиты ременные завязки» [10. С. 277]. Описание одного из *сарă*: «Поясной “назадник” чувашской женщины, сшитый из двух холщовых концов, с длинными холщовыми вязками и вышивками (“гладь”), выполненными красно-бурыми нитками и шелками (черным, голубым и оранжевым) (орнам. геометрич.); обшивка концов и надставка их из окрашенного мареной холста; бахрома из крученых ниток (син. и буро-крас.)» [10. С. 289].

Коллекция 179 (88 предметов). Собрана в Чебоксарском, Цивильском и Козьмодемьянском у. Казанской губ. Самая богатая и разнообразная среди всех коллекций: представлены головные повязки *насмăк* (*начелыш*) (*масмак*. – А.Л.), поясные украшения *сарă* и *чалмă*, «пюргенчики – головные покрывала чувашской невесты», вышивки по холсту, заготовки по холсту, подвески к плечевой перевязи чувашки, *тевет*, рукавные вышивки женской рубашки, передники, «миндэр», т.е. *наволочки*. А.А. Трофимов: «Весьма ценными для науки являются широкие *масмаки*, их около 20. Композиция узоров на всех головных повязках овальная, трапециевидная или имеет форму ступенчатой пирамиды» [17. С. 32]. Описание одного из *чалмă*: «Поясной “назадник” (чуваш. жен.) с бахромой из разноцветного бисера (зелен., корич., бел.), с красно-бурыми клинушками и полоской, нашитыми сверху подвески, которая к тому же “выстрочена” в два яруса и зашита разноцветным шелком (орнам. геометрич.)» [10. С. 307].

Описание одного из *тевет*: «Перевязь плечевая (чуваш. женщины), представляющая собой широкую холщовую полосу (на подкладке), пришитую своими концами к вышитой цветными шелками (орнам. геометрич.) подвеске, имеющей синюю шерстяную бахрому и парные кисточки из бисера и гранат. Лицевая сторона одной половины перевязи покрыта красным ситцем (с цветками), окаймленным по краям узорной красной тесьмой (фабрич.), поверх которого (т.е. ситца. – А.Л.) нашит тройной ряд бисерных плетений, из которых среднее унизано мелкими (покуп.) раковинами (59 шт.). На другой половине перевязи нашита штофная лента с узорной (фабр.) тесьмой по краям, украшенная бисерной рамкой, которая разбита внутри столбиками из разноцветных гранат и стекляруса; промежутки между столбиками зашиты чешуей из овальных металлических дисков. Кроме того, один край цельной перевязи убран мелкими раковинами (204 шт.), другие – ниткой из крупных цветных гранат» [10. С. 309].

Описание одного из передников: «...из белой бумажной материи – с двумя завязками, одна из розовой шерстяной тесьмы, другая из узорной ленты

(фабрич.); подол украшен вышивкой (в “крестик”) из красной, черной и синей бумаги, а также подшит кумачом, на фоне которого нашито широкое кружево из бел. ниток (покуп.). Орнамент вышивки растительный» [10. С. 313].

Описание одного из «пюргенчик»: «Свадебное покрывало чувашской невесты, сшитое скатертью из трех полос грубого бельевого холста, по углам вышитое шелком и окрашенное в различного цвета шерстью. Узоры угловых вышивок одной стороны покрывала парные, геометрического стиля, но отмеченные от угловых парных узоров другой стороны, имеющих тот же стиль» [10. С. 317].

Коллекция 180 (20 предметов). По понятной нам причине (описанию подвергал лишь вышивки) она оставлена А.А. Трофимовым без внимания. Представленные здесь шейные украшения, подвески для косы и «тохвы» (шапочки), черпаки с резными ручками приобретены в Цивильском и Чебоксарском у. (населенные пункты не указаны). Шейные украшения И.Н. Смирнов называет и «ошейником», и «ожерельем». Одно из описаний: «Ожерелье – шейное украшение чувашской девушки, низаное разноцветным бисером в виде широкого полукруглого воротника; низ его убран мелкими раковинами (покуп.); по верху протянута нитка разноцветных гранат; нижние концы полукруга украшения охвачены ниткой белого бисера с тройчатым концом, имеющим три медных тисненых диска в форме монет (Чебоксар. у.)» [10. С. 321].

Представлены 10 деревянных ковшей (Чебоксар. у.) и все разные: «... с фигурой птицы на ручке, украшенный резьбой и кольцом, нарезанным из одного с ручкой куска дерева»; «...с ручкой, имеющий кружок, на котором помещена фигура животного»; «...ручка имеет резьбу и изображение конька» и т.д. [10. С. 323].

Коллекция 279 (225 предметов). Собрана весной 1903 г. в Ядринском у. Казанской и Курмышском у. Симбирской губ. Здесь «головные повязки (сорбан), покрывала невесты (т'аваткал), свадебные полотенца (солык), поясные украшения (сар'а), начелыши (насмек), пояса, кушаки и подкушачник женский, передники женские, покрывало с свадебной подушки (миндэр), нарядные кафтаны невесты, ожерелья, оплечья, различные вышивки» [10. С. 331]. Описание одного из т'аваткал (четырёхугольников): «Платок, под которым верхово-чувашская невеста стоит, вступивши в дом родителей жениха (молодого), пока не сорвет его один из родичей жениха» (по запискам И.Н. Смирнова); сделан из куска холста (51 X 35 см) и вышит “гладью” из разноцветных шелка и шерсти. Центральное место белого полотна занимают два, лежащие поодаль друг от друга, квадрата, заполненные оригинальными комбинациями разнообразных мелких фигур; квадраты заключены в четырёхугольную узкую рамку; за ней лежит другая рамка, более широкая, разбитая на квадраты, в которых помещены крестики – по углам, а в центре – звезды; по краям выведен еще узкий бордюры, одинаковый по рисунку с центральной рамкой» [10. С. 341].

Описание одного из поясов: «Шерстяной, синий, домотканый (дл. 2,24 м, шир. 0,1 м), вышитый на концах пунцовым шелком (пунктир и прямые линии) и зеленой шерстью (двойные зигзаги), обложки на вышивках из пунцовых ленточек; гладкая бахрома на обоих концах из разноцветного бисера» [10. С. 373].

А.А. Трофимов: «Кроме узоров наволочек, инв. [№] 279, 213, 216, 217, украшения остальных предметов в основном могут явиться материалом для изучения вышивки периода развития капитализма. Для них характерно применение для основы ткани синего, зеленого, красного цветов, аппликации из лент, белых ниток» [17. С. 32–33].

Коллекция 401 (44 предмета). Поступила в 1904 г. Собрана в Ядринском у. Казанской и Курмышском у. Симбирской губ. «Из 44 предметов лишь 2 являются вышитыми предметами (инв. [№№]401, 43–44) – образцами узоров периода упадка вышивки» [17. С. 33], – поэтому А.А. Трофимов не стал анализировать другие предметы. Остальные предметы: черпаки («для питья», «для щей», «для питья пива», «для воды»). Описание одного из них: «С ручкой, имеющий внизу продольный вырез, посередине (над крючком) кольцо, а сверху неопределенную фигурку с поперечным сквозным вырезом; боковые стороны орнаментированы рубчиками» [10. С. 395].

Определенный интерес представляют охотничьи принадлежности: «Колчан из липовой коры – для стрел; в верхней части его имеется боковое отверстие; посередине он опоясан веревочкой, из которой сделана петля для подвешивания; длина 84 снт., ширина 10 снт.»; «стрела с железным наконечником на одном конце и опереньем на другом; длина 72 снт.» [10. С. 399].

В своих полевых исследованиях И.Н. Смирнов не ограничивался сбором только вещевого материала. Он занимался тщательной фотофиксацией наблюдаемых явлений традиционной культуры. Фотоколлекции, переданные им в РЭМ, насчитывают 289 фотографий, отражающих быт и культуру мордвы (кол. 202), марийцев (кол. 204), удмуртов (кол. 205), чувашей (кол. 203) и башкир (кол. 206). Собранный И.Н. Смирновым фотографический материал освещает различные стороны культуры коренных народов Поволжья: общий вид селений, хозяйственные занятия, жилище, одежду. Каждая коллекция содержит значительное число фотографий антропологических типов изучаемых этносов [6].

«Чувашскую» коллекцию № 203 можно назвать без преувеличения бесценной, так как здесь 55 фотографий, где запечатлены «женщины, девушки, дети, мужчины, костюмы, постройки, утвари и священные места»: в д. [Большое] Маклашкино и д. Хыркасы Козьмодемьянского у. Казанской губ: 1) чувашская женщина (фас); 2) тип женщины в полном наряде; 3) типы чуваш (двое мужчин и женщина); 4) типы чуваш – мужчина, женщина с ребенком и девочка; 5) чувашская утварь; 6) чувашская борона с деревянными зубьями; 7) чувашки, занятые приготовлением масла и толчением соли; 8) вид чувашской деревни; 9) чувашка за прялкой; 10) чувашки, занятые уплотнением сукна; 11) свадебная повозка; 12) чувашки, занятые варкой пива; 13) чувашские санки; 14) тип старой чувашской избы; 15) двор большой чувашской семьи с двумя старыми избами и летней кухней; 16) вход в большой чувашский двор (без ворот); 17) чувашский дом; 18) сени в чувашском доме; 19) русское крыльцо перед чувашским домом; 20) клети в чувашском доме; 21) сарай на чувашском дворе; 22) новая изба русского типа у чуваша; 23) типы чувашских мальчиков; в д. [Чувашский] Елтан Чистопольского у. Казанской губ.; 24) типы чуваш (фас); 25) типы чуваш (профиль); 26) чуваш с детьми; 27) чувашские женщины, одна с ребенком; 28) чувашские женщины (фас и профиль); 29) вид женского костюма (сзади); 30) вид женских костюмов (сзади); 31) чувашки (фас и тыл); 32) чувашки (фас); 33) чувашские девочки (фас и тыл); 34) чувашские дети – две девочки (тыл) и мальчик (фас); 35) чувашка с детской повозочкой, идущая на жнитво; 36) чуваш-колесник, слева – домашняя утварь; 37) чувашка с ручной мельницей; 38) чувашские мальчики и девочки; 39) чувашские девушки (три); в д. Урюм Тетюшского у. Казанской губ.: 40) чувашские девушки (фас); 41) чуваш с женщиной; в Белебеевский у. Уфимской губ., скорее всего, в с. Слакбаш; 42) двор сложной чувашской семьи с тремя избами; 43) вид двух чувашских усадеб; 44) вид места

перед чувашским двором; 45) *a, b, c* (три фотографии. – *А.Л.*) чувашский двор с огороженным «священным деревом» в середине, вход в него и расположение в нем хозяйственных построек; 46) вид из двух изб с сенями и клетью («пылдыром») в глубине их; 47) чувашская изба с «пылдыром» (клеть) сбоку, выходящим на улицу; 48) чувашская изба внутри двора; 49) *a, b* (две фотографии. – *А.Л.*) полные виды чувашских изб; 50) клеть («пылдыр») с пристройкой для летнего спанья; 51) внутренность чувашского двора с сучковатым деревом (коновязь); 52) чувашский дом с «пылдыром» под одной крышей (в глубине); 53) надворные постройки с ульями для пчел; 54) вид ворот, ведущих на улицу с чувашского двора; 55) вид чувашской улицы с глухими стенками домов [10. С. 325–329].

Из отчета И.Н. Смирнова: «Оригинальную, характерную для чуваш, стадию развития зимнего жилья представляют избы, встреченные и сфотографированные в с. Слакбаш Белебеевского у.: к открытым сеням пристраивается новая постройка – клеть, пылдыр, но пристраивается не против жилой избы, как это бывает в обычном у русских и инородцев так называемом трехэлементном доме, а сбоку, и притом так, что часть крыши пылдыра подходит под общую крышу дома и сеней, не составляя с ней одного целого» [11. С. 64].

В самом каталоге не указан автор фотографий, может быть, по упущению регистратора А. Макаренко. Однако Н.И. Ивановская и О.А. Мишурина пишут, что фотоколлекция создана совместно с фотографом Н.Т. Софоновым [6].

Выводы. Историком, археологом, этнографом С.К. Кузнецовым в некрологе отмечено, что труды И.Н. Смирнова по истории и культуре народов Поволжья являются памятником его научной деятельности, а собранные им этнографические коллекции увековечили его имя в истории музейного собирательства [8. С. 115]. Общеизвестный и выдающийся финно-угровед И.Н. Смирнов в своих монографиях о черемисах (марийцах), вотяках (удмуртах), пермяках (коми), мордве немало внимания уделял «чувашскому следу» в культуре и быте этих этносов. Что и подвигло его всерьез заняться сбором и систематизацией чувашских этнографических экспонатов. Переданная в Российский этнографический музей каждая коллекция, в том числе 55 фотографий, характеризуется подробным описанием, о чем свидетельствуют оценки профессионалов.

Считаем необходимым издать каталог чувашских коллекций И.Н. Смирнова отдельным сборником, сопровождая их фотографиями из коллекции № 203.

Литература

1. *Айнутдинов Р.А.* Смирнов Иван Николаевич // Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. С. 478.
2. *Владыкин В.Е.* Смирнов Иван Николаевич // Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 642.
3. *Гибадуллина Н.М.-Н., Гибадуллин Р.М.* И.Н. Смирнов как собиратель // Вестник Марийского государственного университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 14–20.
4. *Димитриев В.Д.* Иван Смирнов о волжских болгаро-чувашах // Бизнес-среда. 2000. 30 нояб. – 6 дек. С. 7–8.
5. *Димитриев В.Д.* О волжских болгаро-чувашах [Электронный ресурс]. URL: <https://свары.рф/ru/content/o-volzhskih-bolgarah-chuvashah> (дата обращения: 20.09.2024).
6. *Ивановская Н.И., Мишурина О.А.* Смирнов Иван Николаевич [Электронный ресурс] // Российский этнографический музей: сайт. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/?ysclid=m1oz3dfq2u57338567> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Копии документов из фондов Российского этнографического музея. 1902–1940 гг. // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 1135. Инв. № 11384.

8. Кузнецов С.К. И.Н. Смирнов // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. LXI. № 2. С. 214–216.
9. Матвеев Г.Б. Смирнов Иван Николаевич // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 48.
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1135. Инв. № 11384.
12. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III: (Доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 5 сент. 1901 г.) / [Соч.] проф. И. Смирнова. [Санкт-Петербург]: тип. Акад. наук, 1901. С. 225–237.
13. Подлинные сокровища чувашской коллекции Российского этнографического музея в национальном музее – только до 17 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://chnmuseum.ru/news/подлинные-сокровища-чувашской-коллекции-русского-этнографического-музея-в-национальном-музее-только-до-17-декабря> [Электронный ресурс]. URL: <https://chnmuseum.ru/news/подлинные-сокровища-чувашской-коллекции-русского-этнографического-музея-в-национальном-музее-только-до-17-декабря> (дата обращения: 28.09.2024).
14. Протоколы за 1889–90 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1890. Т. 8. Вып. 3.
15. Смирнов И. Чуваши // Энциклопедический словарь. Т. XXXVIIIa / изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. С. 933–938.
16. Смирнов Иван Николаевич // Мордовия. Энциклопедия: в 2 т. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2004. Т. 2. С. 339.
17. Трофимов А.А. Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII–XX вв.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. 144 с.
18. Чувашская вышивка: свадебные платки и покрывала из собрания Российского этнографического музея: альбом-каталог / автор текста, сост. Н.Ю. Кашпар. Чебоксары: ЧНМ, 2023. 266 с.
19. 160 лет со дня рождения автора книги «Черемисы». [Электронный ресурс]. URL: <https://mari-centr.ru/node/2218> (дата обращения: 07.10.2024).

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Alexey P. LEONTIEV

ABOUT CHUVASH COLLECTIONS OF PROFESSOR I.N. SMIRNOV IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

Key words: Ivan Nikolaevich Smirnov, historian, ethnographer, archaeologist, collector of ethnographic objects of the peoples of the Volga region and the Cis-Urals region, Chuvash collections, Russian Museum of Ethnography.

I.N. Smirnov's outstanding contribution to the collection of cultural, household and religious faiths items of the Chuvash people was not subjected to in-depth analysis, nor yet covered by professional researchers. Meanwhile, in the history of collecting Chuvash ethnographic collections in the pre-revolutionary period, there was no figure equal to Ivan Nikolaevich. He was at the origin of forming the funds of the ethnographic department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. In the year of its opening, he donated a rich «Chuvash collection» to the museum – 92 items, mostly antique embroidery.

The purpose of the study is to trace the stages of I.N. Smirnov's selfless work in the field of collecting ethnographic objects, including photo illustrations from the Chuvash everyday life.

Materials and methods. The research was based on newly identified documents stored in the archive of the Russian Museum of Ethnography and the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities, as well as published materials. The principles of historicism, objectivity and consistency were used, as well as research methods: factual, descriptive, analytical, problem-chronological ones were used.

Study results. Among numerous works on research and collecting activities of Professor I.N. Smirnov, a special article about his contribution to compiling the Chuvash collections appears for the first time. It provides brief information on cooperation of the ethnographer-collector with the Museum of Russian Studies at Kazan University. However, it mainly tells about his fruitful ties with the Russian Ethnographic Museum. We revealed that during 1902–1904 Ivan Nikolaevich presented 9 Chuvash collections to St. Petersburg repository of ancient ethnographic items – about 1110 works of ornamental art and household items in total, the collector calls them «folk antiquity, original, beautiful», which «melts every year», since he «went to the Chuvash and the Cheremis 12 years ago, went last year... and I found a huge change: things

that used to be found in almost every house could not be obtained in the whole village». We analyzed the contents of the catalogue of collections presented to the museum, fortunately, on the initiative of N.V. Nikolsky, a student and follower of Ivan Nikolaevich's work, this truly original document turned out to be in his Manuscript Collection, now stored in Department I of the Scientific Archive at the Chuvash State Institute of Humanities.

Conclusions. Biographical materials published to date about Professor I.N. Smirnov give only a passing mention of his activities in collecting Chuvash ethnographic items for museums. This article makes an attempt to comprehensively cover the path of the researcher-collector. In the author's opinion, the catalogue of collections, originally stored in the Scientific Archive at the Chuvash State Institute of Humanities, as well as reports and correspondence of the professor on ethnographic expeditions in governorates densely inhabited by the Chuvash, should be published in a separate book.

References

1. Aynutdinov R.A. *Smirnov Ivan Nikolayevich* [Smirnov Ivan Nikolaevich]. In: *Tatarskaya entsiklopediya: v 6 t.* [Tatar Encyclopedia. 6 vols.]. Kazan, 2010, p. 478.
2. Vladykin V.E. *Smirnov Ivan Nikolayevich* [Smirnov Ivan Nikolaevich]. In: *Udmurtskaia Respublika. Enciklopediya* [Udmurt Republic. Encyclopedia]. Izhevsk, 2000, p. 642.
3. Gibadullina N.M.-N., Gibadullin R.M. *I.N. Smirnov kak sobiratel* [I.N. Smirnov as a collector]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 14–20.
4. Dimitriyev V.D. *Ivan Smirnov o volzhskikh bolgarakh-chuvashakh* [Ivan Smirnov about the Volga Bulgarians-Chuvash]. *Biznes-sreda*, 2000, Nov. 30 – Dec. 6, pp. 7–8.
5. Dimitriyev V.D. *O volzhskikh bolgarakh-chuvashakh* [About the Volga Bulgarians-Chuvash]. Available at: <https://cybary.pf/ru/content/o-volzhskih-bolgarah-chuvashah> (Accessed Date: 2024, Sept. 20).
6. Ivanovskaya N.I., Mishurinskaya O.A. *Smirnov Ivan Nikolayevich* [Smirnov Ivan Nikolaevich]. Available at: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/?ysclid=m1oz3dfq2-u57338567> (Accessed Date: 2024, Sept. 27).
7. *Kopii dokumentov iz fondov Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya. 1902–1940 gg.* [Copies of documents from the collections of the Russian Ethnographic Museum. 1902–1940]. In: *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinitsa khraneniya 1135. Inventarnyy nomer 11384* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities, Department I. Storage unit 1135. Inventori bunber 11384].
8. Kuznetsov S.K. *I.N. Smirnov* [I.N. Smirnov]. In: *Etnograficheskoye obozreniye*, 1904, book. LXI, no. 2, pp. 214–216.
9. Matveyev G.B. *Smirnov Ivan Nikolayevich* [Smirnov Ivan Nikolaevich]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2011, vol. 4, p. 48.
10. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinitsa khraneniya 256* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 256].
11. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinitsa khraneniya 1135. Inventarnyy nomer 11384* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 1135. Inventarnyy nomer 11384].
12. *Neskol'ko slov po voprosu ob organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III: (Dolozheno v zasedanii Ist.-filol. otd-niya 5 sent. 1901 g.)* [A few words on the organization of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III: (Reported at a meeting of the Historical-Philological Department on September 5, 1901). St. Petersburg], 1901, pp. 225–237.
13. *Podlinnyye sokrovishcha chuvashskoy kolleksii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya v natsional'nom muzeye – tol'ko do 17 dekabrya* [Genuine treasures of the Chuvash collection of the Russian Ethnographic Museum in the national museum – only until December 17]. Available at: <https://chnmuseum.ru/news/genuine-treasures-of-the-Chuvash-kolle/?ysclid=m23deiesx157720-6633> (Accessed Date: 2024, Sept. 28).
14. *Protokoly za 1889–90 g.* [Protocols for 1889–90] In: *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazan. un-te. 1890. T. 8. Vyp. 3* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University, 1890, vol. 8, iss. 3].
15. Smirnov I. *Chuvashi* [Chuvash]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'. T. XXXVIIIa. Izdatel'stvo F.A. Brokgauz (Leypsig), I.A. Efron (Sankt-Peterburg)* [Encyclopedic Dictionary. T. XXXVIIIa. Published by F.A. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron (St. Petersburg)]. S.-P., 1903, pp. 933–938.
16. *Smirnov Ivan Nikolayevich* [Smirnov Ivan Nikolaevich]. In: *Mordovia. Encyclopedia: v 2 t.* [Mordovia. Encyclopedia. 2 vols.]. Saransk, 2004, vol. 2, p. 339.p.

17. Trofimov A.A. *Iskusstvo chuvashskoy narodnoy vyshivki v muzeyakh Rossii (XVII–XVIII vv.)*. [The Art of Chuvash Folk Embroidery in Russian Museums (XVII–XX Centuries)]. Cheboksary, 2007, 144 p.

18. Kashar N.Yu. *Chuvashskaya vyshivka: svadebnyye platki i pokryvala iz sobraniya Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya: al'bom-katalog* [Chuvash embroidery: wedding shawls and bedspreads from the collection of the Russian Ethnographic Museum: album-catalogue]. Cheboksary, 2023, 266 p.

19. *160 let so dnya rozhdeniya avtora knigi «Cheremisy»* [160th Anniversary of the Birth of the Author of the Book "Cheremisy". Available at: <https://mari-centr.ru/node/2218> (Accessed Date: 2024, Oct. 7).

ALEXEY P. LEONTIEV – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Формат цитирования: Леонтьев А.П. О чувашских коллекциях профессора И.Н. Смирнова в Российском этнографическом музее // Исторический поиск / Historical Search. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 126–141. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-127-143.